

Валерий Шаханов

ОСНОВОПОЛОЖНИК

18+

Валерий Шаханов
Основоположник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шаханов В. Б.

Основоположник / В. Б. Шаханов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Он видел Жириновского, умел показать "болт" и "Писающего мальчика" столь блистательно, что публика потом ещё долго оставалась потрясённой. Да что там публика?! Она, как известно, дура. Нет сомнений, что даже сам Энди Уорхол переворачивался в гробу от сценических образов Иосифа Маркина. Основоположник... Да-да! Да! Другим словом его назвать было бы нельзя. Таких, как он, по пальцам пересчитать.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Глава первая

ВОЛНЕНИЯ И «ВОЛНИТЕЛЬНОСТЬ»

I

В бестолковщине митинга не сыскать существа безобидней городского сумасшедшего. Любой записной бунтарь охотно вам это подтвердит. И уж тем более ни один из них не станет шарахаться в толпе от одетого не по погоде чудака, костерящего на всю Ивановскую какого-то там Чубайса или даже самого товарища Златопердского.

Люди сведущие знают, что бояться нужно неприметного гражданина, склонного к добровольному посещению массовых волнений. Именно этот тип более опасен для городских рото-зеев, влившихся в густой митинговый кисель по глупости или из желания поправить финансовое положение. Ведь даже самый именитый последователь Зигмунда Фрейда – со всеми парадигмами, накопившимися за долгую усидчивость в его ученом мозгу, – не скажет: какой из потайных тумблерков щёлкнет в голове блеклого скромника, с восторгом обнаружившего, что в нескончаемых поисках правды и справедливости он не одинок. В череп такому не заглянешь, не определишь – способен тщедушный тихоня пустить в ход припасённую на крайний случай заточку или затаится до следующего раза?

За городского же сумасшедшего поручиться можно. Он открыт, он беззащитен и ярок, как лампочка накаливания в ночи.

Хмурым декабрьским днём один из таких появился на подступах к мятежной площади. Случилось это в час, когда ближайшие улицы уже начало заполнять людское половодье, грозившее утопить временно отведённую под бунт территорию. Приземистый человек шел на хрипящие звуки «раз... раз... раз...», несшиеся из огромных черных ящиков, выложенных, как кубики, друг на друге, рядом с пышно убранной во всё белое, словно к свадьбе, сценой. Тайные силы влекли его в центр назревавших событий, торопили туда, где заговорщицки шептались сосредоточенные люди, избравшие протест уставной обязанностью.

Шёл товарищ смело и в движении более напоминал экзотического жреца, нежели штатного смутьяна. Он то начинал семенить, то вдруг резко останавливался, чтобы, слегка потоптавшись на месте, развернуться и продолжить путь, идя уже боком или даже спиной вперёд. Набегавший ветер изредка возмущал седую шевелюру коротышки, чем довершал в нём образ шамана, исполнявшего свои мудрёные пляски.

Демонстранта можно было принять за пьяного, но индивид был трезв, как томик Маркса. Мужчина вообще не пил, и именно это похвальное свойство позволяло ему казаться достоверным в самозабвенном обличении предателей народа. Натуральности образу добавляла деталь, не заметить которую было невозможно: странный человек не выговаривал половину алфавита. Видимо, поэтому вырывавшиеся из него гейзером фразы имели некую магическую мелодию, остановиться и вслушаться в которую хотели многие, проходившие мимо, зеваки. Даже ругательные слова, такие, как «кретины», «мрази», он изрекал мягко, округло: «кьетины», «мыази». Там, где ему хотелось заклеймить кого-то, назвать, например, «фашистом», по ветру летело: «хашисты». Чего уж говорить о классическом определении всех тех, кто хоть однажды менял соратников по борьбе?

– Поийтические пыаститутки... – выкрикивал оратор и следом в адрес изменников неслись проклятия вперемишку с требованием отдать власть в руки прогрессивных сил.

Перед каждой новой фразой мужчина останавливался, вскидывал голову и в глазах его, как у пришпоренного конька-горбунка, вспыхивала решимость. Необстрелянное митинговое

пополнение слушало дерзкие речи, восторженно принимало их и зычно подбадривало картавого оратора:

– Во даёт!

– Наш человек!

– Долой!

Однако интерес к говоруну вскоре пропал. Кого-то не устраивало, что правду-матку режет персонаж весьма сомнительный, не стоящий внимания; а кто-то собственным нутром успевал прочувствовать, как в опасной близи раскручивается, словно воронка на воде, самостоятельная, непонятная и судорожная стихия, способная, при роковом стечении обстоятельств, вобрать в себя их легковверные души и утащить в бездну губельного водоворота.

Некрасивая девушка в симпатичной шапочке и зябкой куртёнке восхищенно следила за шаманскими танцами, внимала каждому слову мистического персонажа. Сама она держала в руке карикатурный портрет главного узурпатора, чей лик, стараниями неизвестного художника, был втиснут в округлость дорожного знака «Остановка запрещена». – Совершенно замечательно. Bravo! Посмотри, посмотри, – толкала она в бок своим острым локотком долговязого спутника. – Каким замечательно смелым нужно быть.

– Это Семён. Не пропускает ни один митинг. Его среди нас Лениным кличут. Всех костерит, обзывает политическими проститутками. Малость придурковатый, но беззлобный, – низко склонившись над соратницей, пояснил юноша.

Ему было приятно проявить осведомлённость. Довольный собой, молодой человек дружинисто выпрямился и с хрустом в плече выбросил вверх сжатую в кулак руку.

– Даёшь демократию! – раздался в толпе его ломкий голос.

Призыв взлетел над россыпью голов-горошин и тут же запутался в многоцветных стягах знаменосцев, прибывших накануне на заказных автобусах.

Девушка наградила долговязого восторженным взглядом. Ей и самой до слёз хотелось, чтобы скорей наступила замечательная пора. Она вскинула свою тоненькую ручонку, но, так и не придумав, что лучше всего крикнуть в поддержку законного требования, опустила кулачек и восхищённо прошептала:

– О-бал-деть.

«Народу-то сколько. И всё подваливают, подваливают хорьки», – бурчали правоохранители из оцепления и хмуро поглаживали новые резиновые дубинки, выданные накануне по случаю праздника свободного волеизъявления. Лоснящиеся каски полицейских очерчивали периметр площади, а на подступах к ней обозначали коридоры, по которым, как горячая кровь по венам, растекались всё прибывавшие и прибывавшие люди, насыщая собой митинговую плоть.

– Дорогу лирикам! – раздалось где-то внутри толпы и сразу же захлебнулось в негодующем рыке непримиримых баритонов:

– Пида-расы не пройдут! Пида-расы не пройдут!

Под ногами крикунов сухо шелкнули петарды, брошенные чьей-то провокаторской рукой. От запрещённых звуков громко заверещал ребёнок.

– Ма-а-ма! Ма-а-ма! – не переставало откуда-то звать дитё свою революционно настроенную мать.

Но и этот пронзительный голос, едва успев заявить о себе, сразу становился достоянием толпы, не признающей личности и с одинаковым равнодушием переваривающей в своей ненасытной утробе детей, женщин, представителей силовых структур.

На городской площади, совсем ещё недавно мирно спавшей, формировался особый живой организм. Он беспрестанно колобродил, ежеминутно менялся в объёме и опасно пульсировал. В какой-то момент от него начал исходить тот специфический гул, при котором осторожный человек начинает чувствовать безотчетную панику. Так случается, когда до слуха

доносится не безобидное жужжанье деловито собирающих нектар пчел, а будоражащий и грозный аккорд, воспроизводимый их собратями, сбитыми в неукротимый рой.

II

Иосиф Богданович Маркин, не молодой уже артист оригинального жанра, бестолково и шумно носился по своему загородному дому. Он с грохотом открывал многочисленные шкафы, комоды, рылся в полках затхлых чуланов, где за долгие годы переменчивого творческого вдохновения скопилось его главное богатство – концертные костюмы и реквизит. Маэстро готовился к самому большому в своей жизни выходу и был возбуждён как никогда.

Следом за ним, в таком же крайнем возбуждении, бегала по этажам его гражданская жена, последняя любовь и почти что муза – Лизонька. Она сопровождала Иосифа молча, и только упрямые складки в углах пухлых (подарок благосклонной природы) губ говорили о тяжелом моменте, переживаемом ею. Уже несколько дней она, как могла, боролась с блажью артиста, вздумавшего пополнить собой ряды приверженцев демократии. Всё могло показаться не таким уж и страшным, если бы Маркин накануне не объявил, что намерен предстать перед соратниками в костюме, символизирующем «раскрепощённый дух». Спорное решение грозило обернуться катастрофой. Тончайшей женской интуицией Лизонька почувствовала, что в народе не воспримут ни ажурные колготки с блёстками, ни трепетное боа, которые её любимый собирався использовать в качестве дополнения к мятежному образу.

Против лёгкого скандала спутница жизни ничего не имела, но полный крах не входил в её планы. Поэтому, улучая момент, она с ловкостью орлицы цепляла безукоризненным маникюром облюбованное мужем сценическое шмотьё и с негодованием уносила добычу на старые места. Назад возвращались сомнительные панталоны, экзотические головные уборы, пёстрые пиджаки и цветастые жилеты.

Изредка из галантерейной мишуры Маркин извлекал предметы, назначение которых могло показаться загадкой не только для целомудренных девиц. Попадавшие под руку штучки Иосиф любовно обзывал «артифаками» и, как истинный артист, моментально приступал к импровизации, применяя безделушки мимо их прямой пользы. Забавлялся ими он не долго – крепкий профессионал умел вовремя остановиться и сосредоточиться на главном.

– Не смейся людей, Ёжик. Если ты у нас теперь революционер, то учти: они в таком не ходят, – иронично заметила Лиза, увидев, как задумчиво смотрит Иосиф на красный со стразами костюм, где у брюк имелись кокетливые прорехи, позволявшие ягодицам свободно взирать на мир.

Артист пробовал объяснить творческий замысел, но его доводы разбивались о женскую логику, заставлявшую почти сразу усомниться в правильности того, что всего лишь минуту назад казалось гениальным. В конце концов, смешить людей он, точно, не собирался; но и оставлять за Лизонькой последнее слово было не в его характере.

– Я komponую. Не мешай! Лёся, скажи хоть ты ей что-нибудь, – взвыл в конце концов Маркин и призвал вмешаться в спор собственного продюсера, Алексея Грота, который уже несколько часов наблюдал за происходившим в доме тарарамом. – Она не понимает. Она не хочет понять, что наступает мой звёздный час. Меня, может, впервые в жизни увидят миллионы людей. Это наш последний и решительный... шанс, Лёся. Я не могу предстать перед народом вахлаком. Или ты с нею заодно?

Лёся, который до сего момента никак не вмешивался в происходившее, в ответ промямлил что-то несурзное и неуверенно пожал плечами. За долгие годы общения он научился ладить с Иосифом и лишний раз не лез на рожон, особенно в тех случаях, когда его чудаковатый друг находился в творческом поиске.

Понятны были ему и опасения Лизоньки. Она тревожилась за карьеру мужа. Почти до обморока её пугала идея Иосифа примкнуть к революционному авангарду. Бедная Лиза, к своему несчастью, слышала о кровавом воскресенье. Назидательный пример, почерпнутый из школьного курса истории, всплыл в её избирательной памяти сразу же, как только стало известно, куда собирается пойти на выходные Иосиф.

– Отвинтят вам бóшки. Ей богу, отвинтят, – причитала Лизонька.

Было жутко представить, что её Маркин, известный в высоких кругах артист, исполнитель оригинальных номеров, добровольно идёт подставлять собственную голову под промозглый зимний ветер и дубинки тех, кто во все времена гонял интеллигенцию и передовой пролетариат по переулкам и подворотням бунтующих городов.

Лизонька на собственной коже знала: каково это – попасть под горячую руку, служа естественным объектом внимания. С первым своим серьёзным ухажером – ударником в рок-группе – ей не раз приходилось переживать болезненные моменты. И хотя внезапно возникавшие меж ними потасовки были мимолётными и неизменно тонули в безумной страсти двух влюблённых сердец, втайне девушка мечтала об иной доле. Но тогда... тогда они были слишком юными и пылкими.

С Маркиным у Лизоньки всё складывалось по-иному. Она терпеливо сносила его выходки, закрывала глаза на безобидные чудачества, но никогда не позволяла зарождаться процессам, способным лишить благ, доставшихся ей ценой, о которой предпочитала не вспоминать.

Услышав от Иосифа слово «справедливость», она ойкнула и тут же призвала Грота, чтобы совместно навалиться на кормильца и отговорить его от опасной затеи.

– Лёсик, срочно приезжай. Я просто в шоке. Маркин решил идти в политику. Ты представляешь: сказал, что нужен протестному движению. Они ему уже и должность придумали в своём правительстве. Будет, говорит, реформировать нашу многострадальную культуру. Лёшенька, приезжай завтра пораньше... Прошу... Я не могу... мне уже... – и она захлопала носом, чем сразу добила согласие Грота быть в их доме уже с самого утра.

III

Талант Иосифа Маркина ценился в среде таможенных брокеров, работников дальних отделов внутренних дел, в закрытых женских клубах и элитных коттеджных посёлках. Но только дружба с реверсивной партией, которую с первого дня её основания возглавлял Гарик Леонтьевич Уссацкий, подогривало в артисте надежду, что однажды и его творчество вырвется из замызганных красных уголков, богато мебелированных особняков, яхт, немногочисленных VIP-залов, обретёт, наконец, широкого зрителя.

На дворе уже был глубокий вечер, когда в «Артистическое агентство Маркина» позвонили из секретариата головной штаб-квартиры объединённого политсовета партии реверсивного движения и предложили маэстро встречу. Станным звонок никому не показался. Иосиф находился на короткой ноге с партийным костяком и мог побеспокоить личной просьбой любого из боссов. Общаться запросто с людьми из разных политических эшелонов Маркину позволяла его эмоциональная свобода и статус «изюминки» на самых разных сборных концертах. Способность артиста радовать партийный актив лёгким жанром неизменно пользовалась спросом под занавес очередных съездов, по случаю знаменательных дат, событий и юбилеев.

Маркину нравились неформальные отношения с реверсивной партией, руководство которой к тому же не скупилось на искусство. Даже после того, как любимец публики отдавал (по тайной договорённости) Митрофану Брунету, главному партийному идеологу, две трети своего гонорара, на руках у Иосифа оставалась сумма, позволявшая ещё долго спокойно дожидаться очередного слёта активистов.

Утром следующего дня маэстро уже сидел в приёмной председателя и развлекал шутками всеобщую любимицу партии, секретаршу Уссацкого, Оксану. Пухленькая, отзывчивая на любые просьбы девушка была рада артисту. Она во все глаза таращилась на него, временами прыскала от смеха, и, чтобы веселье на рабочем месте казалось не очень бросающимся в глаза, прикрывала лицо сводным отчетом о работе региональных партийных ячеек. Время от времени Оксана кокетливо повторяла:

– Ну вас, Иосиф Богданович...

На шум, в приёмную заглянул Митрофан Брунет.

– Опять бардак развели. Веселитесь? – неодобрительно заметил главный идеолог.

– Да нет, товарищ Брунет, – оправдывалась девушка, – товарищ Маркин рассказывает о случаях на концертах. Люди, оказывается, такие странные бывают... я валяюсь, – и она опять, поперхнувшись смехом, прикрыла лицо спасительным отчетом.

– Вот-вот. Я и говорю – веселитесь. Как дети, честное слово!

– Извините, Митрофан Дадашевич. Вырвалось. Я тут вам материалы распечатала.

– Вы бы лучше, Иосиф, рассказали нашим коллегам что в мире происходит, – с плохо скрываемой укоризной заметил Брунет и не стал брать из рук Оксаны предназначенные ему бумаги. – За партийными делами они у нас света белого не видят. Карелию за границу считают, а про Адыгею-то я уже вообще, как говорится, молчу: не слышали-с. Катастрофически отстаём от реалий жизни. Беда. До слёз беда.

– Что ж рассказать-то? – на секунду задумался Иосиф. – Ну вот, например, по основным новостям передали: житель африканской саванны поперхнулся косточкой редкого плода и умер, не приходя в сознание. Но самое интересное, говорят, что растение это – культовое и занесено в какие-то там анналы. Мужик хотел подправить свою – я извиняюсь, Оксаночка, – потенцию, но вместо этого и сам погиб, и, как оказалось, варварски истребил растение. Сейчас в стране ждут волнений племён, что поклоняются духу плода. Забыл, как называется этот фрукт, но у меня записано.

– Жуть. Сволочь какая, – воскликнула в испуге Оксана и с тревогой посмотрела на Брунета.

– У них там, в африках, порядка никогда не было, – подхватил тему идеолог. – Сегодня только наша партия способна защитить и флору, и фауну одновременно, системно ответить на любой вызов. Мы как раз сейчас, товарищ Маркин, разворачиваем необходимую работу в регионах...

– Кстати, – перебил Иосиф, – в тех же новостях: в одном регионе дом престарелых сгорел со всем содержимым. Дотла. И утонули в бане паломники. Подключилась чрезвычайная служба. Жизнь без конца проверяет нас на прочность. Не даёт, зараза, расслабиться.

– А как вы думаете, Митрофан Дадашевич, волнения африканские могут до нас доткаться? – полным тревоги голосом спросила партийная любимица. Она всё ещё продолжала осмысливать первую новость; во взгляде её застыла тревога.

Брунет готов был успокоить сердобольную секретаршу, но вмешался шеф. Уссацкий по громкой связи приглашал Маркина зайти.

– Ни пуха, ни пера, Иосиф Богданович. У Гарика Леонтьевича сегодня хорошее настроение, – напутствовала артиста всё замечавшая Оксана.

Маркин вошёл в просторный кабинет лидера партии с широкой улыбкой. Зная, что доставит Уссацкому удовольствие, встал в третью позицию, вскинул правую руку и громко, вкладывая в слова максимум патетики, переиначил под собственную выгоду слабенькое, по своей поэтической силе, но весьма пикантное двустишие:

Если женщина в постели хороша и горяча,
В этом личная заслуга Гарика Леонтича.

– Вы, как всегда, в своём репертуаре, товарищ Маркин, – без лишнего смущенияотреагировал партийный основатель. – К сожалению, не могу поддержать ваш фривольный настрой. Слишком важный вопрос нам предстоит обсудить. А времени катастрофически мало. Поэтому приступлю сразу к делу. Есть мнение, Иосиф, рекомендовать вас...

Договаривать Уссацкий не стал. Вместо этого он хитро прищурился и застыл в выжидательной позе. Прошла минута, вторая... Время утекало, а в глазах Маркина не появилось и тени любопытства. Он продолжал слащаво улыбаться и молчал.

Пауза затягивалась. Понимая, что артист и не думает теряться в догадках, хозяин кабинета повторил заход. Во второй раз фраза прозвучала медленней и с нотками обиды:

– Я говорю: есть мнение рекомендовать вас. Вам, Иосиф Богданович, не интересно куда?

– Мне интересно всё, что связано с вашей партией, Гарик Леонтьевич, – ответил артист и почему-то потупил взор.

– Нашей, нашей с вами до мозга костей партии, дорогой мой, – поправил лидер, осклабился и стал походить на того Гарика Леонтьевича, которого маэстро десятки раз наблюдал со сцены во время своих выступлений.

– Хотим вас видеть «лицом» нашей боевой организации, Иосиф. Правда, в силу специфики жанра, который вы представляете, трудно говорить именно о лице... – Уссацкий снова хитро прищурился, но, чтобы в очередной раз не попасть в просак, почти не делая паузы, продолжил:

– ...но именно ваш феномен, безусловно, выделяет вас на фоне традиционного искусства, которое вступило в противоречие с нашей повседневной жизнью. Мы – партия, которая не боится нового и решительно поддерживает новаторство во всех его проявлениях. Идеолог и теоретик нашей партии товарищ Брунет сравнивает ваше искусство с творчеством американца Ворхала. Да-да! Не меньше! Тот отражал в своих произведениях культовые предметы. Вы пошли значительно дальше, взяли на себя смелость противостоять махровому ханжеству. Хотите вы или нет, товарищ Маркин, но вы для нас теперь со всех концов фигура знаковая.

Гарик Леонтьевич на секунду замолчал, окинул Иосифа тёплым взглядом отца нации и ласково спросил:

– Так что, батенька, решаете? Даёте согласие?

– И ваш банк можно будет рекламировать? – обрадовался Иосиф. – Я уже вижу, как всё можно провернуть. Сажу я этак в белом кожаном кресле, много света, цветов...

– Данный контент потом обсудим, Иосиф Богданович, – болезненно сморщился и поспешил уйти от разговора Уссацкий. Он не любил упоминания своего банка вслух.

– Нет, потряска! Я уже всё, всё придумал! – не унимался артист. – А я говорю на наезжающую камеру: «Честный банк – для хороших людей». Затем меня показывают крупным планом. Я улыбаюсь и добавляю: «Положи на счет». Положи. А? Солидно? И в моём духе. Понятно. Да?

– Так вы даёте своё принципиальное согласие? – почти потеряв терпение, воскликнул тайный банкир.

– Почту за честь.

И Маркин всем телом потянулся через огромный рабочий стол, чтобы с чувством пожать партайгеноссе руку.

IV

Машина отреагировала на разблокировку дверей двумя звонкими механическими поцелуями. Перед тем, как сесть в автомобиль, Иосиф взглянул на хмурое, казавшееся совсем-совсем низким небо, и с настроением вдохнул.

– Всё-таки, хороший у нас здесь воздух! А? В раю живём, ей богу, – похвастался он перед Гротом, блаженно зажмурился и в очередной раз отпустил в свой адрес молчаливый комплимент.

Маэстро не переставал благодарить себя за то, что когда-то огородил в хвойном лесу участок земли с небольшим, подпитываемым родниками, озерцом. Грех было не прибрать к рукам этот сказочный уголок, который, как считал Иосиф, вряд ли бы долго ждал своего хозяина. Вскоре, действительно, рядом стали появляться другие новостройки, но звание первопроходца, человека дерзкого, пренебрегшего условностями, уже навсегда было закреплено за Иосифом Маркиным.

– Подумай ещё раз, Иосиф. На кой черт тебе всё это надо? – не обращал внимания на лирический настрой друга Лёсик. – Не боишься? В трубу полетят корпоративы. Без бабосов останемся. Чем расходы будешь покрывать?

Не отставала и Лизонька. Она увязалась за мужчинами; стояла возле машины в одном халатике и, как солдатка, причитала:

– Не ходил бы ты к ним. Ну что за радость переться на эту жуткую забастовку? Да и костюм этот твой... ладно бы ещё летом... Ёжик...

– Всё, помчали! Нас ждут великие дела, – прогромыхал Иосиф, поцеловал Лизоньку, наглухо застегнул пуховик и заставил Лёсика сесть за руль.

На место они прибыли, когда большая людская волна уже накрыла площадь. Возле сцены не находили себе места организаторы, среди которых достоверней других суетился Митрофан Брунет. Друзья видели, как в какой-то момент он схватился за голову, а затем с кулаками бросился на увальня, понуро смотревшего себе под ноги.

– Где списки выступающих?! Я тебя спрашиваю! Где списки? – доносилось до включенных на сцене микрофонов.

Брунет хватал «ублюдка» за грудки и изо всех сил старался вытрясти из него душу и, если повезёт, недостающие списки. Верзила стоял незыблемо, как памятник великому русскому художнику Репину.

Со стороны казалось, что жертвой является сам идеолог. Голова Митрофана Дадашевича моталась, тело ходило ходуном; и это существенно мешало правильно оценить суть происходящего.

Приблизившись к схватке, Грот принял возню за разминку двух замёрзших на студёном воздухе активистов, захлопал в ладоши и громко подбодрил Брунета:

– Держись, Митрофан! Свободное искусство за тебя!

Идеолог повернул голову, удивлённо посмотрел на продюсера и мигом отстал от верзилы, продолжавшего стоять в покаянной позе.

– Вы все хотите меня сегодня угробить, – в бессилии захныкал Митрофан. – Где, где Маркин? Он знает, что ему скоро выступать?

– Привёз я ваше «лицо». При полном параде стоит около шефа, – успокоил продюсер и кивком показал в сторону стоявшей неподалёку группы людей.

Фигура Гарика Леонтьевича Уссацкого возвышалась над окружавшим его кагалом. Выглядел партайгеноссе торжественным и сосредоточенно-строгим, как капитан дальнего плавания, позирующий для документального фильма. Подходы к лидеру реверсивной партии со всех сторон отсекали корреспонденты. Они пихались локтями, отжимали рядом стоящих, чтобы занять место поближе. Когда Уссацкий заговорил, журналисты, с той же быстротой, с какой на официальных фуршетах проворные руки тянутся к последнему бутерброду, сунули ему под нос микрофоны.

Вождь вскинул голову, поднял руку и решительным жестом указал в сторону, где, словно черничное желе, колыхалась, ждущая зажигательных речей, толпа.

– They say we want a revolution. We all want to change the world,¹ – возвестил главный реверсист, делая вид, что не подозревает, что один-в-один повторил зачин из известной битловской песни.

– Yay! – с восторгом воскликнули сразу нескольких иностранных корреспондентов, понимая, что для своей аудитории эту часть выступления можно будет давать без перевода.

Остальной текст своего послания оратор доводил до мировой общественности без заметных аналогий:

– Our movement will grow and grow. It shows that there are already several hot points, which are formed, which either needs to continue the discussion with power, or it is necessary to take razvilochnoe decision.²

Уссацкий ещё несколько раз упомянул грозно прозвучавшее в его исполнении «развилочноэ десыжен», что не могло пройти мимо ушей тех, кто сознательно следовал линии официальных СМИ. Представительница частного канала, симпатизировавшего властям, потребовала экстренных разъяснений. Ей показалось, что руководитель реверсивной партии призывает народ взяться за вилы.

– Не бойтесь, что вас могут привлечь за экстремизм?

– Мы за конструктивный диалог со всеми, – парировал Уссацкий, – и требуем, чтобы с нами считались. В наших рядах миллионы.

На этих словах Гарик Леонтьевич заметил Маркина, который стоял невдалеке, в окружении радостных поклонников и размахивал желтым шарфом. Лидер плакатно улыбнулся и с воодушевлением подытожил:

– С нами цвет нации!

V

Со стороны казалось, что на украшенном шарами подиуме творится полная неразбериха. Два десятка человек путались друг у друга под ногами. Они собирались вместе то в одном углу, то в другом; выстраивались в ряд, разбивались на пары; и беспрестанно перешептывались. Создавалось впечатление, что на сцене доигрывается спектакль, режиссёр которого сбежал задолго до генеральной репетиции, бросив на произвол судьбы наспех сколоченную труппу. Неразбериха сопровождалась аккомпанементом спонтанно производящих фон динамиков и доносившимися из них же призывами «умереть», «возродиться», «покончить».

Митрофан Брунет продолжал метаться перед сценой. В деятельном волнении, он – атеист, и, в комсомольском прошлом, разоблачитель церковных бредней – впервые в своей жизни обратился за помощью к Всевышнему и втихаря молился, чтобы революционная ситуация вывела, наконец, его партию в авангард пробуждающегося народа.

Казалось, что Господь внял мольбам Митрофана Дадашевича. Когда Уссацкий взял в руки микрофон, тот только пискнул в крепкой руке главного реверсиста.

– Братя! Сестрички дорогие! – пронеслось над площадью. – Каждый день мы натываемся на ситуации, которые вопиют. Власть перестала видеть нас, не желает слышать!

Голос Уссацкого звучал твёрдо, а первые фразы напористого и острого на язык трибуна породили на площади одобрительный гул. Брунет уже начал успокаиваться насчет перспектив бескомпромиссной борьбы, как вдруг до его слуха донеслись слова, принципиально менявшие вектор избранного партией поступательного движения.

¹ Говорят, мы хотим революцию. Мы хотим изменить мир. (англ.)

² Наше движение будет расти и увеличиваться. Оно показывает, что есть уже несколько горячих точек, которые сформировались, по которым либо надо продолжить дискуссию, либо надо принять какое-то развилочное решение. (англ.)

– Мы будем вынуждены принять развилочные решения, – громом среди ясного неба прозвучало из мощных динамиков.

От удивления Брунет раскрыл рот и растерянно оглянулся по сторонам. Он точно знал, и мог зуб дать – да что там зуб! – голову отдать на отсечение, что слов таких в тексте не было. Три дня Митрофан лично вылизывал выступление, шлифовал каждую фразу. Бесконечно согласовывались подходы, концепция, тональность митинговой речи. О принятии именно «развилочных» решений условились до поры до времени не заикаться. Эффектная заготовка должна была стать неприятной неожиданностью для власти, секретным оружием оппозиционеров против бездарно правящей властной верхушки. И вот теперь вся конспирация в одну секунду пошла псу под хвост. Налицо были оппортунизм и предательство.

Идеологический стержень партии хрустнул: у Брунета что-то окончательно надломилось внутри. Он вмиг ощутил себя брошенкой, у которой перспектива обещанной свадьбы вдребезги разбилась о нежелательную беременность.

Как частенько и происходит с несостоявшимися невестами, у Митрофана вначале родилась мысль уйти в религию, но, никогда не спавший внутри него стойкий и изворотливый политик предостерег от опрометчивого шага, призвал не сдаваться и продолжить борьбу в рядах партии державников-почвенников Геннадия Погорельца.

Оскорблённый идеолог сорвал с шеи желтый шарфик, единственное, что его теперь связывало с прежними товарищами, швырнул маркую тряпицу на сырой асфальт и двинулся в толпу: навстречу новым соратникам.

Завидев Митрофана, люди радостно возбуждались. Те, кто был посмелей, спрашивали у него про спецвойска, якобы переброшенные для усиления с плато Устюрт; кое-кто интересовался датой окончательного разгрома мира насилья, биржевыми ценами на энергоресурсы и ещё чем-то, что на тот момент казалось им важным, животрепещущим, требующим немедленного прояснения. Не на всё теперь у Брунета находились ответы.

Несправедливый и болезненный удар достался дипломированному политологу и от сумасшедшего Семёна, неожиданно вынырнувшего из плотных шеренг. Дурачок держал в руках подобранный где-то желтый аксессуар, размахивал им и надрывно выкрикивал:

– Пойитические пыаститутки... Давай азвивочные ишения!

Брунет сгорбился и решительным движением запахнул лицо воротником старомодного кашемирового пальто. Обида гнала его туда, где можно было затеряться среди рядовых членов общества. Он уже готовился слиться с толпой, когда за спиной раздался зычный и давно знакомый голос Погорельца:

– Что, Митрофан, конспирируешься? В народ-то вышел охотку потешить или заданий такой получил?

– А-а, Геннадий! Господь мне тебя послал, – обрадовался Брунет, не заметив, что за последние полчаса уже в третий раз все поминает Творца. – Тебя, тебя ишу, дорогой мой. На тебя уповаю. Есть важные вопросы. Обсудить надо.

– Что за спешка? Потом обговорим. Эвоно! Ты посмотри-ка, ваш чудик нарисовался.

Митрофан Дадашевич всем телом повернулся в сторону, куда пальцем показал Погорелец. На сцене к микрофонам подходил Маркин. На ходу он что-то выкрикивал, стараясь сбросить с себя пуховик. Под зимним утеплителем скрывалось обнаженное тело артиста с накинутыми на плечи широченными, как у цирковых клоунов, подтяжками. Помочи держали непомерно большие брюки, у которых на месте традиционной ширинки неожиданно начал надуваться продолговатый, похожий на кабачок, воздушный шар.

– Прикольно, – слышалось рядом.

– Не прикольно, а круто! – горячо возразил другой юный голос. – Жжет, чувак, конкретно! Я тебе говорил про него. Ну, помнишь? Иосиф Маркин! Его реверсисы сейчас всюду пихают. Ты чего! Считается живой легендой, нашим Энди Уорхолом.

– А Ворхыл кто такой? – прозвучал простодушный вопрос.

– Деревня. Ты ещё скажи, что и про «Пусси раэ» ничего не слышал. Энди Уорхол это...

– Такой же засранец, как и ты, – заорал Брунет.

Ему стало нестерпимо обидно за своё же неосторожное сравнение, которое когда-то вывалось у него по пьянке, и разгуливало теперь само по себе без указания на первоисточник.

– Да если вы хотите знать, то этот Маркин ваш любимый – совсем не Маркин. Нейзильбер его настоящая фамилия, – соврал идеолог, – Нейзильбер!

Митрофан захохотал отрывисто и зло, словно из последних сил нёс он эту тайну, а теперь, освободившись от неё, чувствовал не облегчение, а ещё большую тяжесть, но уже по причине того, что не сделал признания раньше.

Поклёп на кумира заставил юношу взбунтоваться:

– Вы фашист и клеветник. Маркин глубок и символичен. Он, реально, наш Энди Уорхол, – дрожащим от волнения голосом прокричал мальчишка. – Его поймёт только тот, кто сам не кривит душой. А вы, вы – злобный карлик, лузер...

На этих словах Брунет с кулаками бросился на мальчика, но Погорелец быстрым движением схватил идеолога за пальто и притянул к себе.

– Ну что ты на ребёнка прыгаешь, заполошный? Они же – дети, – попробовал пристыдить почвенник тяжело дышавшего в его объятиях Митрофана. – Горяч ты, Дадашевич, ей богу. Аки ялдан у необъезженного коня. Ты, лучше, посмотри, что там ваш чудило вытворяет.

На сцене Маркин продолжал куражиться, и ни в какую не хотел уступать место следующему оппозиционеру.

– Эге-ге-гей! – кричал он в толпу. – Нас не заморозить! Нас не сломить! Мы голые, мы свободные! Подлая власть только делает вид, что мы ей интересны. Что она может видеть этими зенками? – прокричал разгоряченный артист, развернулся спиной к толпе и резко нагнулся: через прорехи в брюках на людей взглянули две холёные ягодицы с нарисованными на них глазами.

Общество заволновалось, нарастал гул и неодобрительный свист. Но артист ничего не хотел замечать. Он явно затягивал выступление: перебарщивал с импровизацией, выписывал такие коленца, которых Митрофан не видывал от него даже на закрытых концертах. На пойманном кураже солист дважды в прыжке вскинул в сторону ноги, что было явно лишним и простительным разве что для конкурса на каком-нибудь Евровидении.

Перед третьим прыжком Иосиф большими пальцами оттянул эластичные шлейки подтяжек в надежде при приземлении щёлкнуть ими по обнажённому торсу. Однако уже на взлёте он случайно задел ногой ближайшую треногу из-за чего намеченный полёт по неправильной траектории. Падающая стойка повалила следующую, та ещё одну, рассыпая по деревянному настилу гирлянды из микрофонов. Площадь огласилась громовыми хрипами и треском.

На позорный провал ставленника партии Митрофан никак не рассчитывал. Он хотел, чтобы Иосиф в революционном порыве вскинул руки, бросил вверх блестящие конфетти и произнёс основополагающий тезис реверсистов: «На службе у народа». Только такое могло запомниться людям навсегда.

– Символичная, ударная концовка, – уверял идеолог товарищей и исполнителя трюка накануне митинга, – прозрачный и недвусмысленный сигнал к широким политическим выступлениям.

Шикарная задумка не состоялась. Маркин, этот самовлюблённый петух, сделал всё по-своему, довершив собственным провалом скоропалительное перерождение Брунета в злейшего врага реверсивной партии.

Среди возникшего переполоха в разных концах площади поочерёдно раздались глухие, похожие на выстрелы, хлопки. Последним бухнул жёлтый шарик, чудесным образом возникший между ног артиста в самом начале выступления. Звук лопнувшего «кабачка», усиленный

разбросанными по полу микрофонами, показался оглушительным. Но и о нём сразу забыли, как только со сцены послышались истошные крики.

– Врача! Врача! Убили! – кричали сразу несколько голосов.

За мгновение до катастрофы Брунет видел, как тело артиста странно изогнулось и рухнуло на подмостки.

«Убили!» эхом пронеслось над площадью.

«Есть, есть Бог на свете», – засело в голове у Митрофана, пораженного происходящим.

Глава вторая

«ТРУТНЫЕ» ГОДЫ

I

Если в обычных городах люди мечтают о сказочном богатстве тайно, то каждый житель городка, откуда был родом Иосиф Маркин, грезил о нем открыто и вслух. А о чем еще можно искренне мечтать среди вечно зелёного великолепия: между морем и дивными горами, где на узкой полоске обустроенной суши становишься невольным свидетелем нескончаемого праздника? Город этот искушал каждого, кто презирал лопату и не прочь был плюхнуться в него, как в томно раскачивающийся гамак, чтобы пополнить собой армию мечтателей о выигрышном лотерейном билете, фантастическом кладе или богатом наследстве, оставленном всеми забытым дядюшкой, своевременно почившем в глухом кокаиновом раю.

Юный Иосиф покидал родные места без сожаления. Он знал, что рано или поздно вернётся сюда и станет для земляков идиолом, кумиром, объектом зависти, человеком, сумевшим обуздать судьбу, подстроить её под себя.

– Дурак ты, Лёха! Зря не едешь со мной, – говорил он перед расставанием однокласснику и закадычному другу Лёшке Гроту. – Пойми, сейчас в центр нужно валить. Там возможностей море. Люди с талантом всплывают на раз. А талант, братишка, это серьёзный капитал. Главное – встрять куда надо, а там уж... Ты посмотри, балда, – свобода. Все, кому не лень, голосом Брежнева заговорили. Горбача пародируют. А у меня-то круче ихнего получается, – и в подтверждение собственных слов воспроизвёл интонации перечисленных генсеков:

– Уважаемый товарищ Герек, уважаемая Маргарет Тэтчер... А? Нужно углубить процесс, достичь всеобщего консенсуса. Ну, клёво ведь? Хазанов с Винокуром отдыхают. Вдвоём с тобой мы бы там шороху навели.

– Ага! А если политику пришьют, да укутут в козлодёрку? – с вызовом поинтересовался Лёшка.

– Лёся, зубов бояться – в рот не глядеть.

– Причем тут это. Я тебе говорю, что запросто можно загреметь. Батя всё время повторяет: «Контора не дремлет». Загребут за милую душу, не посмотрят, что ты – охеренный проектор перестройки.

– Ну, и хорошо! Можешь гнить здесь. Только потом не просись взад. Хрен возьму.

Иосиф всю свою куцую жизнь связывал себя только со сценой – в свете прожекторов и яркой славы. Он желал этого страстно с тех самых пор, когда впервые начал появляться на публике в костюмах зайца, пирата или колобка, блистая в школьных постановках. К концу десятилетки иной стези для него не прочили даже те, кто только вскользь слышали об уникальных актёрских способностях Ёсика.

– Учти, Маркин, – говорил ему Исаак Лазаревич, старый учитель французского языка, хлебнувший от своего ученика по самый «аксантию», – тройку я тебе авансом поставил, чтобы

не подумали, что ты – дебил. Мне крайне больно бросать тень на твой талант. Может, ещё народным клоуном станешь.

Была, была в Иосифе настырность, двигавшая в нужном направлении, была и безумная вера в свое предназначение. Да и время на дворе наступило чудо какое благодатное. Перестройка. Люди бесстрашно кинулись в частный бизнес, в объятья экстрасенсорики и потусторонних сил; стали открыто верить в бога, НЛО, курс американского доллара; принялись массово шутить на сцене; с применением армейского вооружения истреблять себе подобных; выезжать из страны навсегда не только благодаря гастролям и туристическим поездкам.

Редкие люди при этом понимали, что всё важное и настоящее уходит от них навсегда, и растерянно наблюдали за наступающей новой жизнью, которая пугала. Иосифу было таких не жалко.

II

– Молодой человек, поддержите музыкантов.

Улыбчивый пройдоха, с серым испитым лицом, протягивал в сторону Иосифа засаленную бейсболку, заглядывал ему в глаза и не столько клянчил, сколько куражился над нежелающим раскошелиться прохожим:

– Поддержите, и будет вам счастье. Вам что, счастья не надо?

– По пятницам не подаю, – на ходу буркнул Иосиф.

Собирателю пожертвований ответ не понравился. Лицо его побагровело, на скулах заиграли желваки; и если бы он не вспомнил, что служит в настоящий момент культуре, а не просит в подворотне огонька у ночного прохожего, то вполне возможно, что Иосифу пришлось бы отбиваться или даже спасаться бегством. Впрочем, парень всё же нашёл способ выплеснуть злость:

– Да пошёл ты, козлина. Жлоб, нах.

Маркин захотел крикнуть в ответ тоже что-то обидное, обернулся, но раскрытый зев бейсболки плыл уже в обратную сторону, где под лукавую молитву «Поддержите музыкантов» жалостливые граждане бросали в «кассу» уличного певца карманную мелочь. Сам исполнитель стоял поодаль, в обнимку с гитарой и жалостливо воспевал противоречивые чувства созревшего для любви мальчишки.

Лучше мне-е уйти, но без грустных нежных глаз твоих

Мне не будет в жизни доброго пути-и.

«Дураки люди, – заговорило в Иосифе хроническое безденежье, – Любую хрень им можно втохать. Ни играть этот фуфел толком не умеет, ни голоса у него нет. Сколько же эти чмошники за день здесь лопатят?»

Диплом артиста не приносил молодому организму здорового питания. Большая сцена не хотела принимать выпускника театрального училища, а кино лишь изредка предлагало участие в массовках. Успешная роль Гамлета, сыгранная в дипломном спектакле, уже не грела самолюбие воспитанника прославленного заведения. Он становился злым и раздражительным. Людей, которые знали о скрытом в нём таланте, Иосиф вскоре возненавидел и обходил стороной. В большинстве своём это были друзья его первой спутницы жизни Снежаны. Возлюбленная ушла от Маркина через полгода, сказав напоследок, что ненавидит его гениальное дарование сильнее, чем гречку, которой он её без конца пичкал.

Чистая душой девушка, мечтавшая сиять в лучах славы собственной знаменитости, ежедневно водила в дом неизвестных людей, конному и пешему рассказывала какой «жутко

талантливый у неё Марконя» и всякий раз требовала от него показать гостям заветный красный диплом.

– Ну, дай, дай им посмотреть, – умоляла любимого артиста Снежанка, трясая, словно в немом фильме, сплетёнными у подбородка руками.

Любовная гармония подвергалась изошрённой попытке однообразием. Слезные восторги, разговоры о театре, драматургии, тосты за выдающиеся роли «реального Смоктуновского» становились для Иосифа невыносимыми. Постепенно он становился нелюдимым, мрачным и всё чаще отказывался выполнять Снежанкины капризы.

Ночами его стал посещать навязчивый сон, в котором рогатый ректор вручал ему под видом диплома тяжёлый булыжник и ласково приговаривал:

– Дурачок. Ты думал, что всех обманул? Не-ет. Диплом с отличием нужно заслужить кровью. Тресни им Снежанку по голове. Даю тебе честное-благородное слово, что он станет красным, как ты и обещал маме.

Во сне Иосиф очень боялся, что всем может стать известно, какой на самом деле цвет его диплома, хватал протянутую чертом каменюку и бежал выполнять условие нечистого.

Уход подруги к модному, многообещающему артисту Виталию Серову умиротворил Иосифа. В его взгляде перестала читаться растерянность, так не шедшая молодому таланту; а вскоре он с облегчением заметил, что куда-то улетучились и навязчивые ночные кошмары. Совершенно по-новому открылось перед ним состояние одиночества, превратившееся в синоним свободы и упоительной независимости. Возобновились почти забытые походы по городским забегалкам, сопровождавшиеся, как и раньше, мимолётными любовными встречами и рискованными приключениями.

Маркин упивался снизошедшей на него волей, и, возможно, именно потому, что сам находился в этом завидном состоянии, с удивлением для себя открыл: целая армия участников художественной самодеятельности с гитарами, дудками, со скрипками и без них высыпала на мостовые с единственной целью – немного заработать.

У Иосифа никогда не возникало желания разбрасывать рубли в расставленные на асфальте картонные коробки, футляры, шляпы. Он не поощрял халтуры и страдал от неё физически, почти так же, как некоторых корёжит от визга жестянки о стеклянную гладь. Но сущей трагедией для него была гибель любимой и, казалось, незыблемой системы Станиславского, вчистую проигрывавшей трём простеньким аккордам.

«А, может, теперь только так и надо? Зачем бегать по утренникам и детским праздникам, мучиться, перевоплощаться из волка в деда Мороза, в болотную кочку? Бери чужое и примеряй на себя. Кто осудит? – растерянно размышлял молодой талант. – Самому, что ли, пойти в народ... анекдоты травить?»

Маркин только на секунду представил себя с обветренным лицом в окружении гогощей толпы и ему сделалось нехорошо. «Тьфу!» Сердце на долю секунды сжалось, заколотилось невпопад где-то под самыми гландами, а появившаяся в груди тягучая, ноющая боль мешала глубоко вдохнуть. Иосиф испугался, как если бы его собственная тень вдруг отделилась и принялась душить своего хозяина. Пришлось прибавить шаг в надежде поскорей приткнуться куда-нибудь и тихо пересидеть напасть.

«Плохо всё это. Не дай бог концы отдать», – с тревогой прислушивался к взбунтовавшемуся организму Иосиф. Он попытался на ходу проверить пульс, но, не нащупав его, ещё больше запаниковал.

Идти пришлось долго, пока на бульваре не нашлась пустая скамейка. Грудь уже попустило, но мысли тревожные продолжали лезть в голову испуганного артиста:

«Чепуха полнейшая... Хотя, какая там чепуха? Люди вон уж и на паперть полезли. Где ещё в наши дни на жизнь заработаешь?»

Вспомнилось, что и про тюрьму, и про суму сказано не зря. Старая поговорка переставала быть фигурой речи, элементом книжной мудрости. Она приобрела звучание реального и зловещего предупреждения, почти предначертания, которое закрепляло в сознании, что существовать отныне придётся с учетом этих двух безусловных жизненных перспектив.

Мимо скамейки, где в собственных раздумьях плутал Иосиф, несколько раз прошёлся рыжеволосый субъект. Прищуренными колючими глазками он оценивающе вглядывался в согбенную фигуру Маркина и хитро усмехался. Для подрабатывающего «бутербродом» бродяги, рыжий был слишком хорошо одет. Можно было только догадываться, какое несчастье произошло в жизни вполне приличного человека, что он, позабыв стыд, согласился натянуть на себя примитивную сбрую и среди белого дня бродить по многолюдным улицам.

«Куплю ваучеры», – прочитал Иосиф на свисавших с плеч мужчины планшетах.

Под двумя хорошо читаемыми словами было написано ещё что-то, но мелкий, неразборчивый, шрифт и суетливость ходока не позволяли взгляду зацепиться за остальной текст.

Через какое-то время следом за рыжим с таким же неожиданным предложением прошли ещё несколько одетых с иголки очкариков, деловито беседовавших между собой о процентных ставках.

«Идиоты, блин. «Ваучеры» какие-то долбанные скупают. Совсем людям делать нехрен», – подумал Иосиф и перестал обращать внимание на странных людей.

Мысли вновь упёрлись в болезненную для него тему – быстрого и, по возможности, регулярного заработка.

III

Лёшка Грот куковал на лестничной клетке перед дверью съёмной квартиры школьного друга. Он с нетерпением вдавливал кнопку звонка, попеременно колотил то ногой, то кулаками во входную дверь, но та не открывалась. От бессонной ночи, проведённой в поезде, голова Лёхи раскалывалась и не желала рассматривать другие варианты для пристанища. Хотелось вползти в квартиру, плюхнуться в ближайший угол и на время забыть о своей поклаже. В отчаянии он что есть мочи саданул лежащую у ног сумку, в которую, при желании, можно было упаковать футбольную команду детского сада. Удар пришёлся по белым буквам слова «Sport», оставив на «о» черную запятую. Лёшка нагнулся, чтобы устранить вспыльчивость, и в это самое время за его спиной послышался женский голос:

– Там, там он, – уверяла старушка-соседка, выглянувшая на шум. – Дрыхнет ещё, наверное, без задних ног. Жутко пьяный вчера пришёл.

Нетерпеливый гость воспрянул духом и с новой силой продолжил осаду. Периодически он проверял результаты штурмов: опирался раскинутыми руками о дверь, приставлял к ней ухо и старался уловить хоть какой-нибудь маломальский шорох в замкнутом по другую сторону пространстве.

Во время очередной проверки ему послышалось, что в квартире кто-то натужно закашлял. Как северный олень бьёт копытом, почуяв под снегом вкусный ягель, так и Алексей нетерпеливо заколотил по двери.

– Кто? – прохрипел, наконец, за запорами незнакомый голос.

– Простите. У меня здесь друг живёт, – быстро и громко прокричал Грот в замочную скважину. Он боялся, что человек за дверью уйдёт, опять оставив его одного ждать неизвестно чего на неудобной, заплёванной шелухой лестничной клетке.

В ответ замок несколько раз щелкнул и дверь открылась. На пороге Лёшка увидел своего старого и абсолютно голого товарища.

– Лёся, козлячья рожа, ты, – криво улыбался Маркин.

Взгляд его скользил мимо, что вполне могло означать, что в эту минуту обнаженный квартиросъёмщик видит не менее двух силуэтов своего лучшего друга.

– Задолбался уже стучать, – пробурчал Лёха и первым делом втащил в прихожую сумку.

– Золотые слитки возишь? – равнодушно пошутил Иосиф, заметив, с каким трудом Лёшка оторвал от пола огромный баул.

– Типа того.

Алексей тащил на своём горбу крупные деньжищи – почти четверть миллиона. Общую сумму он сбивал дома в «котлеты» из того набора купюр, что чаще всего попадали в тощие кошельки советских трудящихся. Пачки «рублей», «трояков», «пятёрок», «червонцев», «четвертных» аккуратно стягивались ненадёжными резинками, нарезанными кольцами из закупленных в аптеке детских сосок. Солидная денежная масса гнула к земле не хуже двухпудовой гири. На улице шуплый Грот каждые пятьдесят метров останавливался и менял руку.

Тихо прозвучавшая из уст Алексея сумма подействовала на Иосифа магически: похмельный синдром чудным образом отступил и пропустил вперёд, непонятно откуда возникший, страх. Голый квартирант в голос икнул и поплёлся в комнату за штанами. Вернувшись на кухню, он достал из холодильника бутылку пива и, задрав, как телок, голову, надолго присосался к ней. Когда шок немного прошёл, и лишний воздух – в виде громкой отрыжки – покинул желудок Иосифа, он так же тихо, как перед тем и Алексей, произнёс:

– Ну, ты и дурак, Лёха. С такими башлями таскаться по поездом. Это ж в два счета без башки можно остаться.

– Стрёмно, конечно. Зато назад поеду налегке: пачка «зелени», и все дела.

– Так, может, у тебя там, – с надеждой кивнул в сторону сумки Иосиф, – и бухнуть есть?

– Бухнём, братан. Дела сделаю – и бухнём.

Вечером Грот принёс еды из ресторана, ящик баночного пива, три бутылки «Распутина». Ему хотелось сделать другу что-то приятное, видя, как тот мается в четырёх стенах и перестаёт быть похожим на прежнего Маркина – жизнерадостного, надменного, всегда уверенного в своей исключительности.

– Хорошо, что я с тобой тогда не поехал, – после первого «Распутина» заговорил Лёшка, когда друзья уже успели перемыть косточки всем, кто в прежней жизни был им хоть немного интересен.

– А я вот не жалею, – с вызовом ответил Иосиф. – Не моё это: таскать от турок шоколад, а потом мотаться по всему Союзу с тонной бабок, менять их на «гринь». Раз, ну – два ... но целыми днями только и думать: где бы чего купить за дёшево, а потом найти лоха, чтобы втюхать ему всю эту туфту за дорого. Скучно, Лёся. Меня, если хочешь знать, в «Об шланг» приглашают. Они от пародий моих торчат. Я просто сам не хочу к ним идти.

– Да ладно! Они клёвые.

– Позорники они, Лёся, вот что я тебе скажу. А ты так и остался жлобом, хоть теперь и при бабках. Ладно, наливай.

Подперев щеку кулаком, Иосиф в задумчивости наблюдал как друг открывает бутылку. Радости от предвкушения, что он сейчас снова накатит, уже не было. Она куда-то ушла. Иосифа потянуло на разговоры, на откровения, которыми он давно уже ни с кем не мог поделиться.

– Ты пойми: настоящее искусство растворяется в дерьме, уходит, если уже не ушло. Не могу я в балаганах участвовать: «лёвчик-вовчик». Тошно. А другого ничего пока не найду. Везде одно и то же: «Звиняйте, нам нужно что-то пооригинальней... мы вам позвоним... сейчас не готовы...» Представляешь, к самому Фоменко в труппу мог пробиться, но облом случился. Дупель-пусто. Пролетаю я, Гротик, как фанера...

У Маркина навернулись на глаза слезы. Он встал и подошёл к кухонному окну.

– Слышь, Лёха, ты можешь отстегнуть мне долларов триста? Я верну, гадам буду.

IV

В отечественном искусстве творилось что-то неладное. И это «неладное» Иосиф Маркин в полной мере ощущал на собственной шкуре. Творчество переставало кормить мастеров, наделённых, как и он, божьей искрой.

– Ты Гамлета своего засунь в задницу, – советовал Иосифу бывший однокашник по институту Антон. – Решай свой вопрос «быть или не быть». А про Пьера Безухова забудь. С голоду подохнешь... Тебе это надо?

Антон работал на киностудии и считал, что судьба отнеслась к нему благосклонно. В годы учебы он слегка завидовал Иосифу и его популярности. У того всё получалось само собой, в нём души не чаяли педагоги, давали пробоваться на главные роли.

Теперь, в новой жизни, Антон не отказывал себе в удовольствии наставлять Иосифа, учить уму разуму. Так он отыгрывался за свои прошлые поражения, считая, что жизнь сама расставила всё по своим местам.

– Короче, садись и слушай сюда: у нас начался новый проект. Бабки даёт один англичанин из бывших наших. Клёвый мужик, весёлый. Ему нужен помощник, знакомый, как он говорит, с системой Станиславского и Немировича-Данченко. Ты как?

– Что я как? – удивился повороту разговора Иосиф.

– Только вот не надо придуриваться! Ты всё понял. Пойдёшь в помощники?

– Я актёр, Антоний, а никакой не помощник. Мне роли, понимаешь, роли нужно играть, выходить на сцену. А ты мне всякие гадости предлагаешь. Иди к черту. Не смогу я.

Антон поднял бровь и с наигранной жалостью посмотрел на несчастное лицо Маркина.

– Знаешь, кого ты мне сейчас напомнил? – и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– У нас в армии лашпек был один, врубись, – из Кошкupyра. Здоровый такой. Звали, как сейчас помню, Ганджа Якубов. Хитрый, сволочь, был. По-русски то понимал, то – ни в зуб ногой. Так вот он с такой же несчастной рожей, как у тебя сейчас, жаловался нашему старлею: «Вай, пилят, трутно». Сейчас всем «трутно». Империализм наступает. Так что сдавайся и начинай играть роль помощника. Ты же – актёр?

– Да я и не отказываюсь. Подумать надо.

– Вот там и подумаешь.

Иосиф закусил губу – вроде всё ещё сомневается – и затем, как путник перед дальней дорогой, решительно хлопнул себя по коленям и встал.

– Ладно. Если бы не нужны были бабки, хрен бы я согласился. Только я вот что-то не пойму: с чего это вдруг наш англичанин решил раскошелиться? Лишние башли завелись?

– Классный вопрос. Пять баллов. Завтра не забудь спросить его об этом. А пока – на вот, держи. Я здесь написал как с этим хреном связаться, – и Антон сунул в руку Маркина листок, вырванный из перекидного настольного календаря.

Иосиф около часа после условленного времени сидел в приёмной, дверь которой была украшена золотой табличкой:

Сэр Го (Sir Goe), генеральный продюсер

Секретарша изредка поглядывала на скромного симпатичного посетителя, виновато улыбалась и повторяла:

– Потерпите ещё немного. Он уже скоро будет.

Невысокий человек без шеи, с черными волосами, собранными сзади в небольшой хвостик, влетел в узкую приёмную, обдав Иосифа приятным терпким парфюмом. Следом за ним,

утопая в ароматах шефа, появился охранник и встал спиной к двери, за которой коротышка исчез.

Телохранитель тяжелым взглядом посмотрел на Маркина и буркнул:

– Заходи.

Сэр Го стоял перед зеркалом и нервными движениями пытался сорвать резинку, запутавшуюся в его смолистых волосах. Длины рук «англичанину» не хватало, и он облегчал процесс тем, что старательно сопел и показывал зеркалу кончик языка. Наконец, хвостик распался. Продюсер встряхнул головой, разметав пружины-кудряшки по плечам тёмно-синего клубного пиджака.

– Почему они не вьются у порядочных людей? – явно на что-то намекая, задался вопросом не совсем иностранный продюсер, подмигнул Иосифу и расхохотался. Смех его оказался натужным, начинался и заканчивался внезапно, будто кто-то невидимый стоял у сэра Го за спиной и жестко управлял им, включая и выключая короткими приказами: «Смейся!», «Молчи!»

Маркин был поражен увиденным. Когда-то давно, почти так же его тронул вид цветущей вишни на исходе осени. Природная ненормальность пробудила в нём жалость к нежным розовым цветкам, обреченным на гибель под напором грядущих холодов. Таким же ненужным, достойным сожаления, Иосифу показался и смех короткокурокого мужчины, глаза которого смотрели на собеседника подозрительно и не давали повода для ответного искреннего веселья.

Бизнесмен глянул на отражавшуюся в зеркале кривую ухмылку Маркина, двумя резкими взмахами одежной щетки сбил с пиджака перхоть и продолжил в той же шутливой манере:

– Как говорил наш замечательный сатирик Аркадий Райкин: «Юмор – друг человека».

Слово «юмор» сэр Го произнёс на английский манер: «хьюмо», чем дал понять, что, кроме всего прочего, между ним и мнущимся у двери экспертом по Станиславскому существуют еще и языковые отличия.

Генеральный продюсер опять рассмеялся, вскинул руки и небрежно указал на стены, где в два ряда расположились убранные в рамки дипломы и благодарности. Вопросительным кивком головы он заставил Иосифа отдать должное наградам.

Тому ничего другого не оставалось, как промямлить: «Солидно» и, оттопырив губу, несколько раз кивнуть головой. Решив, что и этого может показаться потенциальному работодателю мало, претендент на место помощника выставил перед собой большой палец и, улыбувшись широкой голливудской улыбкой, воскликнул:

– Супер!

– Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы, туды его в качель, – снова пошутил сэр Го и указал на одну из висевших на стене рамок.

– Читай, мальчишка!

Причудливо сплетённые буквы не дали Маркину сходу осилить задачу. Кучерявая вязь уже на первом слове заставила запнуться:

– Че... человек, у которого отсутствует чувство юмора, подобен па-а-ампушке без чеснока, – без выражения прочитал Иосиф.

– Великая фраза! Вот за что я обожаю Чехова, так это за его лаконизм. Гениальный человек, большой писатель. «Подобен пампушке без чеснока». Каково! «Без чеснока». Кто бы ещё мог так сказать?

Через неделю Иосиф Маркин уже знал, в какой источник регулярно нырял его шеф, чтобы сыпать бесконечными шутками и анекдотами.

– Коля, врубай шарманку, – садясь в машину, командовал он шофёру, и весь путь от дома до работы слушал магнитофонные записи отечественных юмористов.

Чуть ли ни каждый день сэр Го находил что-то свеженькое, откапывал имена новых комиков, которых на просторах страны становилось всё больше и спрятаться от которых было делом почти немислимым. Они заполнили собой подмости, экраны телевизоров и радиоэфир.

Каждый из этих жизнерадостных людей считал своим долгом записывать сольные концерты на магнитофонные кассеты и миллионными тиражами пускать их в продажу.

От посвящённого в тему шефа Иосиф впервые узнал о классиках жанра – любимце кооператоров Мишеле Невздорном и о Грише Жуковицких, веселившем узкую прослойку интеллектуалов и продвинутую часть пролетариата.

Новинки незамедлительно проверялись на водителе Николае и охраннике. Сэр Го не всегда мог правильно сориентироваться в дебрях отечественного юмора. Бог не наделил его этим завидным даром, поэтому реакция двух простодушных людей, скаливших зубы по любому поводу, была ему крайне интересна и важна. Порой у продюсера уходило несколько дней на то, чтобы запомнить смешные фразы и выяснить: в каком именно месте нужно безудержно хохотать, а где достаточно было простой ухмылки.

– Ну, что? Дадим стране угля? – спрашивал он Иосифа прежде, чем отправиться на запланированные деловые встречи, во время которых на головы потенциальных деловых партнёров сыпался град из заранее заготовленных шуток и анекдотов.

После творческих вылазок ни у кого из бывших земляков сэра Го не поворачивался язык назвать новоявленного англосакса «пампушкой без чеснока». Вот в чем действительно безошибочно разбирался бизнесмен, и что неизменно наполняло его глаза жизненной силой и смыслом, так это томно покачивающиеся бёдра знойных фигур, выхваченные взглядом в толпе или среди офисного контингента партнёров по переговорам. В таких ситуациях последовательный любитель женщин радостно поворачивался к помощнику и возбуждённо шептал:

– Видел, видел какие буфера?

В ответ Иосиф, по уже многократно отработанному сценарию, сально улыбался и произносил первую часть излюбленной шутки начальника:

– Всех не перетрахаеть...

– ... но к этому нужно стремиться, – с расстановкой добавлял остаток фразы сэра Го, и они дружно хохотали, создавая у окружающих иллюзию крепкого, слаженного тандема.

V

Сэр Го взлетел на воздух вместе со своим автомобилем субботним утром, в большой церковный праздник: на следующий же день после того, как на счета фирмы «капнули» деньги с загадочных Каймановых островов. Проект, о котором Иосифу поведал Антон, советуя «подморгнуть» весёлому мужику, заглох, а вскоре и вовсе захлопнулся. Новые хозяева скромно помянули безвременно покинувшего этот жестокий и несовершенный мир космополита, купили себе в центре города квартиры, а на остатки денег открыли сеть элитных магазинов «Вторая рука».

В услугах последователя учения Станиславского никто из топ-менеджеров компании больше не нуждался. Шесть пустых конвертов, в которых знаток знаменитой системы регулярно получал зарплату, ещё лежали в прикроватной тумбочке. Выбросить их у Иосифа не хватало духа. Страх, что своя же рука уничтожит призрачную нить к вождьденному достатку, заставлял хранить пустые реликвии. Именные конверты с надписью в виде посвящения «Маркину», сделанные рукой главного бухгалтера фирмы Клотильды Зарасилло, оставались единственным, что согревало душу при воспоминаниях об участии в дорогом, но так и не состоявшемся проекте.

Новая жизнь отставного помощника разнообразилась, в основном, участием в розыскных мероприятиях, неопределённостью и тревогой. Следователи дёргали Иосифа перекрёстными допросами и звонками. Они бесконечно уточняли какие-то детали, сопоставляли факты, в надежде, что в процессе личной беседы – будь то в кабинете, или на месте самого преступ-

ления – удастся расколоть мутного актёришку, увидеть в его растерянном взгляде запоздалое раскаяние.

– Пиши, как закладывал бомбу. Это же ты, ты?! Больше некому, сука! Признавайся, тебе зачтётся, – по-доброму советовали сыщики, и в слепящем свете лампы подсовывали под руку Иосифу чистые листы бумаги.

В моменты душевных бесед они не упускали случая сообщить, что всегда лучше самому признаться в злодействе и отсидеть положенный срок, чем, как Родион Раскольников, мучиться и постепенно сходить с ума, до смерти пугая родных и близких.

Маркин, как мог, отнекивался, но после каждой такой встречи воля его ослабевала. Он был уже почти близок к тому, чтобы наклепать на себя.

– Дурак ты, дурак! – кричал Лёшка Грот, когда узнал, что друга сдерживало только то, что он не был знаком с подрывным делом настолько, что даже Станиславский, прочитав его признание, в восторге бы воскликнул: «Верю!»

– Идиота кусок, – никак не мог успокоиться Грот.

Лёшка негодовал и возбуждался, когда рядом с ним возникал разговор о милицейских буднях. Руки его начинали трястись, лицо покрывалось красными пятнами и мрачнело.

Друг-одноклассник жил в квартире Иосифа почти месяц. Появился он в городе, как всегда, внезапно, но уже без привычного груза и вкусных гостинцев. Коммерсант заметал следы. Он бросил все дела в обласканной солнцем ривьере, где его прибыльный шоколадный бизнес внезапно лопнул, неосторожно нарвавшись на угловатого и всегда выглядевшего усталым капитана милиции Петрова.

– Ты знаешь этого урода. Он тогда у нас участковым был, – наводил товарища на воспоминания Грот. – Помнишь, его ещё один раз на рынке отметелили? Тырил мясо у колхозников.

Маркин старался вспомнить роковой для правоохранителя случай, но у него не получалось.

– А то, что Светкин отец его отмудохал, когда узнал, что Петров по пьянке к ней клеился, тоже не помнишь? Мы тогда в восьмом классе учились. Ну, Светка! Из десятого «б». Смеху было! – гнул своё и всё больше распалялся Лёха. – Ты же торчал от неё. Ладно, проехали. Теперь, прикинь, этот гумозный мент на Светке женился и стал у нас главным по борьбе с экономическими преступлениями. Сдохнуть можно!

Лёшке хотелось, чтобы друг ясно представил проклятого «мусора» и возненавидел так же люто, как ненавидел его сам.

Иосиф много раз слышал историю про то, как капитан Петров вместе с двумя своими «орлами» отнёс у Алексея всю партию шоколада, и под автоматами заставил перевезти груз во двор отделения милиции. Через неделю выяснилось, что из-за опасности заражения сотрудников продуктами разложения, товар, как скоропортящийся, был вывезен с территории отделения и ликвидирован. По ошибке, вместе с грузом свезли и уничтожили протокол изъятия, «таможню» и другие документы, за которыми все семь дней ходил к Петрову бизнесмен Грот.

– Бандюгам я двадцать процентов отстёгивал, а эта сука всё забрала. Теперь я у братков на «счетчике», а ментяра ходит и лыбится. Сволочи они, Ёся. Драпать надо. Не дадут они тебе спокойно жить.

Маркин растерянно смотрел на друга, и никак не мог взять в толк – к чему он ведёт, и какое отношение всё это имеет к его непростой ситуации.

«Кой черт я послушал этого Антона? – скулил Иосиф. – Бегал бы сейчас спокойно на утренники; и никакой тебе изжоги. Искал бы свою тему. Дурак! Дурак! Дурак! Какой же я болван!».

Ругал он себя нещадно, но как только вспоминалось о содержимом конвертов, нервы Иосифа не выдерживали, и он со слезами подходил к окну. Боязнь навсегда остаться без средств к существованию делала его излишне сентиментальным.

Лёшка успокаивал друга, говорил, что всё проходит, что когда-нибудь и это пройдёт. Грот был мудрым, умел слушать и сострадать. Он не причинял лишних мучений ни ненужными расспросами, ни запоздалыми советами.

Глава третья

ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, НО ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ

I

Вопрос: «Ты – самый умный?» заставляет многих людей пугаться и решительно отрицать такую возможность. Слишком горячие головы готовы даже кидаться в драку, чтобы доказать обидчику ошибочность подобных предположений. Обыкновенному человеку не хочется ни быть, ни слыть умным. Ценность его в другом! В своих голубых, серых, карих глазах рядовой гражданин во всей полноте отражает жизнь, которую сам же и называет не иначе, как «сложной штукой».

Встанет один такой сероглазый утром, посмотрит в дождливое небо и, с досадой протягивая слова, скажет: «Да-а, погодка нынче подкачала». Другой, глядя в ту же хмурую хлябь, пробубнит, неизвестно на кого обижаясь: «Не надо было вчера бежать за третьей бутылкой». И оба будут правы. Правы потому, что истиной для них будет служить не картинка, стоявшая перед глазами, а то, что они при виде её чувствовали.

Это гении не полагаются на эмоции, стараются детально во всём разобраться, разложить явления по полочкам, чтобы дойти до сути. Втемяшат эти умники себе в голову какую-нибудь идею и ходят с ней, будто их огрели из-за угла пыльным мешком. Ходят год, два, десять лет, пока вдруг не ошарашат окружающих своей «эврикой», на которую сбегутся, чтобы вместе порадоваться, не больше двух десятков таких же широколобых гомосапиенсов.

Обыкновенные же люди не позволяют себе подобной расточительности. Их, как говорится, если и беспокоит «гондурас», то только исключительно по причине собственноручного его третиования. Что же касается андронных коллайдеров, круговорота воды в природе, вращения планет, всё это для большинства – ничто, пшик, по сравнению с проблемой как прожить ещё неделю до полочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.